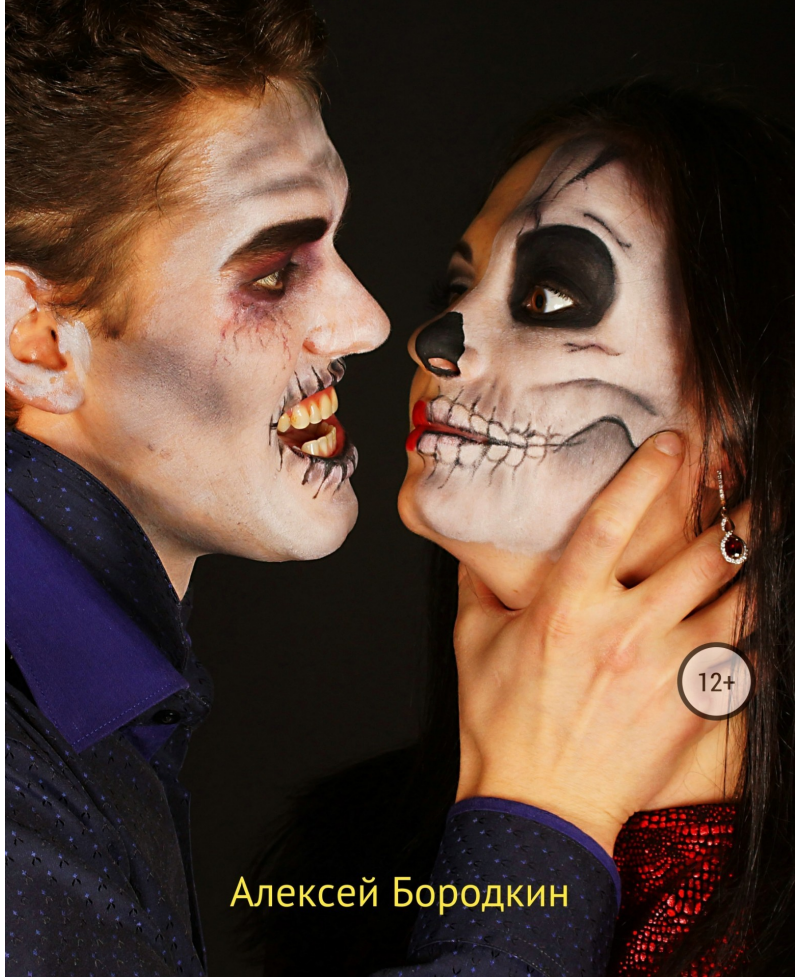

Ярость

12+

Алексей Бородкин

Алексей Петрович Бородкин

Ярость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33474070

SelfPub; 2018

Аннотация

Героя рассказа все зовут Мистер Секонд – Человек Номер Два. Он второй всегда и во всём: в работе, в любви, в науке и даже в идеях. Чтобы стать Первым он решается на отчаянный эксперимент: разрабатывает прибор для чтения мыслеобразов. Техники реализуют задуманное, однако, это только половина дела. Необходимо доказать коллегам, что твоё детище работает корректно. Для этого недостаточно простых лабораторных опытов. Здесь требуется яркое, эффектное шоу. Чтобы ни у кого не осталось сомнений, что Номер Два стал Номером Один. И не важно, что на кону стоит жизнь. Ярость стала основным чувством.

Фотография для обложки взята с сайта "Пикселз"

<https://www.pexels.com/photo/adult-affection-close-up-couple-235966/>

Безумству храбрых поем мы славу!

Безумство храбрых – вот мудрость жизни!

У этой девушки были потрясающие бёдра. Я говорю о журналистке. Вернее, о её бёдрах. Гладкие, стройные, с ложбинкой на внутренней стороне – когда она стояла по стойке "смирно" между ними входила ладонь. Не больше и не меньше – идеально.

Мы провели вместе десять дней... или около того. В конце были близки, и даже нравились друг другу (я полагаю), но я не запомнил о ней ничего. Только волшебное имя Ингрид и сияющую белизну её кожи – северная грация в гостях у южного моря.

Наше знакомство началось с вопроса:

– Я слышала, в институте вас называли Вторым, – сказала она. – Почему?

Почему? А почему ты спрашиваешь, милая? Я смотрел на неё поверх тёмных очков, и мой взгляд неизменно сползал вниз, туда, где из шорт начинались белоснежные ноги. Я почти физически чувствовал их притяжение – так кусочек металла чувствует присутствие намагниченного собрата.

Она мне сразу понравилась: и белизной (анти, контр, про-

тивозагарной белизной), и задорной наглостью, и, вне сомнений, именем. "Ингрид, – спросил я. – Как это будет сокращённо? Инга?" После такого вопроса порядочные люди переходят на "ты", и я предложил так поступить. Она согласилась, сказала, что я могу называть её Ирой.

– Это... привычнее, – в голосе звучал прибалтийский тягучий акцент. – Имя "Ингрид" действует на местных мужчин...

– Провокационно, – подсказал я. Она кивнула и повторила вопрос:

– Так почему Второй?

Иногда вопрос несёт больше информации, чем ответ. Значительно больше. Ты спрашиваешь, а значит, ты знаешь, что это правда – я был Вторым. Тогда зачем вопрос? К чему? Чтобы раззадорить меня? Взвинченные респонденты болтают охотнее и не следят за словами?

– Потому, что я был вторым. Разве это не очевидно?

Она состроила недовольную мордочку, и подумала (вероятно) что зря согласилась на "ты" – заряд близости потрачен впустую.

– А кто был первым?

– Почему был? Он есть, – я замолкаю. Моя очередь нервировать. Возвращаю на переносицу очки и расслабленно оплываю на скамейку. Жду. Ещё мгновение и она уйдёт.

Представьте себе: южный солнечный городок, зажатый между морем и горами, гостиница сталинской эпохи, полная

учёных сухарей... Впрочем, учёных среди них совсем немного, в основном это околонучная братия с длинными послужными списками, регалиями и гемморроем – вот их истинный вклад в науку. Проходит нечто вроде конференции... или симпозиума – как вам будет угодно. Я один из участников. Один из. Тот самый "немногочисленный", среди "около". И конечно впереди меня он – Аркадий Зорин. Первый среди лучших.

Ингрид делает шаг – она уходит, – и мне это жаль. Не хочется оставаться одному или просто... Впрочем, об "или" я не успеваю подумать. В жару мозги работают медленно и неохотно.

– Аркадий Зорин Наш Ясный, – негромко произношу имя, и она останавливается. Подходит, садится на скамейку. Я говорю, что ей необходим крем для загара. (На самом деле, я уверен, что крем должен быть от загара. Снежный цвет этой девушки действует на меня, как охлаждающий коктейль.) Она спрашивает, какие нас связывают отношения? Речь, естественно, о Зорине, я – только повод.

Мне хочется взорваться. Вскочить и прокричать на всю улицу (так чтобы стёкла задрожали), что нихрена она не понимает! И никогда не поймёт, даже если я буду рассказывать ночь напролёт! Вместо этого я лениво предлагаю сходить в бар.

– Иначе ваша нежная кожа приобретёт печально-розовый оттенок. Вы станете похожи на розового кролика.

– Такие бывают?

– Бывают. Они водятся на страничках Плейбоя.

Бар принадлежит гостинице (как красиво это звучит!), а посему вся наша учёная братия имеет право пастись в нём бесплатно. Я сказал бармену, что Ингрид Карловна (божественное отчество!) аккредитована симпозиумом и потому тоже имеет право. Непонятное слово действует на чёрно-белого человека магически, и он убегает за выпивкой.

– Так почему Второй? Вы... то есть ты уже третий раз уходишь от ответа.

– Видишь ли... – я решил обмануть Хозяйку льдов. Поступить, как поступают японцы: не врать нарочно, но и не сообщать всей правды. – Ты просто не знаешь Аркашу Зорина. Рядом с ним все всегда вторые. – Я пригубил мартини. – И это в лучшем случае. Смысл его жизни... его бытия – быть первым. Лучшим во всём, понимаешь? – Она согласно кивнула, хотя я видел, что она не понимает. – Он идёт по жизни, чтобы быть первым. Если хочешь, – у меня вдруг вспыхнула идея, – мы можем провести эксперимент. Ты пойдёшь к нему в номер, и скажешь, что в Стокгольме один учёный... пускай его зовут Ульрих Уэлс, значительно продвинулся в исследовании металлического водорода.

– А такой бывает?

– Бывает, – уверил я и попросил разнообразить вопросы: – Тебе, как журналисту, это будет к лицу.

Продолжил: – Если ты сообщишь Зорину подобную весть,

он не уснёт до утра. Мысль будет жечь его мозг, он будет ворочаться и... – шутка показалась глупой и ужасно ребячливой. Я махнул рукой: – Чепуха. Забудь. Аркадий Зорин действительно лучший, только и всего. У него был выше вступительный бал в университете. Не сильно, всего на одну десятую, но выше моего.

– Вы учились вместе?

Я опустил вопрос.

– Он на день раньше сдавал курсовые, быстрее готовился к коллоквиумам. Чуть лучше сдавал экзамены. – Я коснулся коленом её колена (естественно, намекая). – Знаешь, его очень нервировали зачёты. Три буквы "зач" в зачетной книжке не позволяли ему отличиться.

– А водород?

"Смотри-ка! – удивился я, и уважительно погладил Ингрид (догадайтесь, где), – ухватила суть. Видимо, у этой пигалицы есть профессиональные способности. С виду дурында, однако, сообразила... или по интонации услышала?"

– Водородом должен был заниматься я. Это была тема моей диссертации. – Я замолчал, ситуация требовала драматической паузы. Она, естественно, спросила, что было потом. – Потом заведующий кафедрой Бакштейн Павел Николаевич (он был нашим – моим и его – руководителем) решил, что эта тема ближе Зорину: "Там нужен кураж, Серёженька! Блеск мысли, – так он сказал. – Аркадий справится лучше. Он найдёт нетривиальное решение". Всех без исключения мужчин

на кафедре старикан называл уменьшительно. Все для него были Толиками, Валеньками, Серёженьками, Васеньками, и только Зорин оставался твёрдым и незыблемым Аркадием.

Мне было обидно. До слёз обидно. До ужаса, до рези в животе. Нет, не потому, что я оказался Серёженькой на фоне великого Зорина, я страдал из-за диссертации. Я занимался металлическим водородом с самого начала. С первого дня в институте и даже раньше, ещё в выпускном классе...

"Засранка таки заставила меня откровенничать!" – я погрузил губы в мартини. Ингрид смотрела на меня в упор, будто я был диковинным зверьком. В её взгляде отсутствовало сочувствие, и я ей за это благодарен.

Она спросила, чем окончилась дело? Я ответил, что пока ничем. Водород оказался крепче, чем мы (наивные юнцы!) полагали.

– А завкафедрой Бакштейн? – спросила Ингрид. – Что он? Это его промашка?

Я ответил, что Бакштейну, по большому счёту, плевать:

– Брокер не остаётся внакладе. Клиент может заработать или спустить всё до копейки – брокер имеет процент с покупки. Или с продажи. Вот и всё. Он в приработке всегда, при любом для клиента финале.

Мы вышли на воздух. Солнце опустилось к горизонту и за домами (в тени) стало почти комфортно. Я взял её за руку (разумеется, она была прохладной), и мы пошли вдоль бульвара. В сквере бил фонтан, и когда налетал ветерок, его

брызги разбегались радужным веером. Я сказал, что маленькая радуга – тоже радуга. А значит, под одним из её концов зарыт горшочек золота. Она рассмеялась. Полагаю, именно в этот момент она решила, что останется в моём номере до утра. Впрочем, я иногда бываю слишком самонадеян.

– Вчера был доклад Зорина, – сообщил я. Она посмотрела со значением. И вопросом.

Как наркоман нуждается в дозе опиата, так и я нуждался в продолжении этого разговора. Я вдруг сообразил, что Ингрид – человек, которому можно рассказать всё. "Многому она не поверит, да это и не важно!" Выговориться – вот чего я страстно хотел. Даже сильнее, чем её тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.